

Череда бессонных ночей Гермионы продолжилась и в первую ночь в башне Когтеврана. Делить комнату с незнакомыми людьми было не самым лучшим вариантом: она несколько раз просыпалась, сжимая в руках палочку, и разрывалась от кошмаров.

Тяжело было оставаться одной в темноте и не тосковать по Джинни. Джинни, которая всегда приходила к ней, когда кто-то из них не мог уснуть в тот странный последний год в Хогвартсе. Джинни, которая засыпала вместе с ней. Джинни, которая помогала ей избавиться от страхов.

Ее кошмары часто повторялись. Гарри лежал там, дорогой, побежденный, мертвый. Каждую ночь в течение нескольких месяцев после этого, снова, снова и снова.

(В ее снах он никогда не вставал.)

Иногда Беллатриса нависала над ней, смеясь, когда она снова и снова бросала Круциатус, погружая проклятый нож в шею Гермионы, ее дыхание было шипящим, горячим и прогорклым. Она мечтала о Похитителях, о коварных глазах Фенрира Грейбека, о Крестраже в медальоне, о том, что ошиблась и прокляла их всех.

И в ту первую ночь все они были там, проходя по ее сознанию, как адская армия.

Но самый яркий сон, который приснился ей в ту ночь и который не отпускал её, когда она снова проснулась, а холодный серый рассвет задерживался на краях голубых занавесок вокруг её кровати, был о погоне за Гарри и Роном через лес. Гермиона пыталась догнать их, но всё больше и больше отставала, пока не остановилась, задыхаясь, возле бассейна на поляне. Они пришли из другого места, но не узнали её.

Ты не Гермиона, - шипели они, уходя, не обращая внимания на ее рыдания и мольбы. А когда она взглянула на своё отражение, то на неё смотрело не её лицо, а лицо Беллатрисы.

Она приступила к практике, которую начинала каждое утро и вечер в палатке: магическая медитация, чтобы очистить разум и снять напряжение.

Она освоила эту практику после прочтения книг Гарри по окклюменции и пыталась научиться ей сама на случай, если её когда-нибудь схватят. Это оказалось полезным, когда, возможно, это неизбежно произошло. Целитель-экстрасенс, с которым она общалась в конце войны, сказал ей, что она могла сойти с ума под такими длительными пытками. Возможно, так бы и случилось, сказал он, если бы она была менее замкнутой.

(Иногда ей снилось, что так оно и было).

Гермиона оставила сон и тихо оделась. Сегодня была суббота, и на собрании Дома после праздника она узнала, что в выходные принято одеваться в нерегламентированные мантии, а вот магловская одежда не приветствуется. В этот раз у нее не было ни одной подходящей.

Первое, о чем она попросила бы, - это об одноместной спальне. Оставалось надеяться, что для кузена Дамблдора будет сделано какое-то исключение. В прошлом она бы этого не одобрила. Но в общежитии было трудно поддерживать негласные чары, не вызывая подозрений, и еще труднее было объяснить, почему девушке, которая якобы всю жизнь жила вдали от мира, снятся такие ужасные кошмары.

Она надела серую мантию и собрала волосы в пучок. Так она выглядела еще более простой, чем была на самом деле, но это было хорошо, именно такой ей и нужно было быть. Простой Гермионой Дирборн, той, о которой никто не будет спрашивать в будущем, той, чье лицо исчезнет из памяти.

Она тихонько выскользнула из общежития, надеясь, что не разбудила никого из девочек, и, переведя дыхание, вошла в общую комнату. Накануне вечером она была прекрасна, но в раннем свете она была просто потрясающей, словно созданной специально для нее. Воздушная и светлая, огромные окна выходили на живописный пейзаж далеко внизу, солнце поднималось над далекими горами на востоке.

Он был огромным, круглым и сине-голубым: темно-синий цвет ковра контрастировал с более светлыми голубыми и бронзовыми подвесками. С западной стороны высились белые книжные полки, и повсюду виднелись следы интеллектуального труда.

Это восхищало Гермиону, которая всегда находила общую комнату Гриффиндора слишком тесной, слишком уютной, слишком красной.

У нее редко было достаточно времени, чтобы прогуляться по территории Хогвартса для удовольствия, и она не испытывала особого интереса к этому, но когда она увидела территорию, простирающуюся от башни в это прекрасное туманное утро, солнце только начинало пробиваться сквозь жемчужно-серый цвет, отблескивая от мерцающего озера, она не смогла удержаться и отправилась к озеру. В сентябре (когда нет дождей) Шотландия часто бывает прекрасна. Вереск все еще сиял на горах, воздух был достаточно прохладным, чтобы избавиться от опасности появления большого количества комаров. На самом деле было достаточно прохладно, и она пожалела, что не сбегала наверх за плащом, прежде чем отправиться в путь, но согревающие чары и бодряя прогулка вскоре согрели ее и подняли настроение.